

А. М. Обломский

О НЕКОТОРЫХ СПОРНЫХ ВОПРОСАХ КЛАССИФИКАЦИИ КЕРАМИКИ, ПЕРИОДИЗАЦИИ И ХРОНОЛОГИИ ЧАПЛИНСКОГО МОГИЛЬНИКА

В сборнике "Проблемы хронологии эпохи латена и римского времени", изданном научно-археологическим объединением "Ойум", опубликованы две статьи, в которых приводятся результаты критического анализа предложенного мною метода классификации зарубинецкой керамики и фибул, а так же общей схемы периодизации эталонного для верхнеднепровского варианта зарубинецкой культуры Чаплинского могильника (Абезгауз, Еременко Журавлев, Каргопольцев 1992; Еременко, Журавлев 1992). С некоторыми замечаниями группы авторов из Санкт-Петербурга я согласен. Моя диссертация, посвященная исследованию зарубинецких памятников Верхнего Поднепровья, написана около 10 лет тому назад. За это время многое изменилось, появились новые работы по хронологии латена, латенизированных культур, которые, естественно, требуют внести некоторые поправки в схему периодизации Чаплина. Тем не менее, большинство замечаний я принять не могу. Свой ответ оппонентам я вынужден сгруппировать в несколько блоков, в соответствии с основными направлениями критики.

Классификация керамики

Вначале хотелось бы напомнить основные методические принципы, на которых она строилась. Первая из них - это однозначность и простота признаков, т.е. начальные элементы классификации (в пределах спис-

ка) при работе с конкретными сосудами должны быть такими, чтобы не оставалось возможности для обычной их трактовки. Вторым принципом является идея дробления целого на части, что следует из характера имеющейся в распоряжении исследователей материала. Керамика из погребений могильника, который дает основной комплекс сведений для построения периодизации, представлена, по преимуществу, целыми формами. Признаки были выбраны таким образом, чтобы можно было сопоставлять целые формы с реконструкциями по обломкам по единой основе.

Третий принцип заключается в раздельном описании каждой из четырех групп признаков, характеризующих горшок или миску. Руководствуясь им, были составлены 4 классификации: по форме, пропорциям, размеру (объему) и декору (орнамент, обработка поверхности). Результаты работы изложены мною в специальной статье (Обломский 1985), на которую, как раз, и направлен "основной огонь" критики.

В статье моих оппонентов анализируется, собственно, лишь одна из классификаций (по пропорциям). Прочие три оставлены без внимания, что довольно странно, т.к. при составлении схемы периодизации используется, в основном, типология форм и, отчасти, декора (Обломский 1990: 20). Классификация по пропорциям приводится в качестве примера возрастания субъективной ошибки на каждом уровне ("этапе") работы. В той же последовательности бу-

дут изложены и мои возражения.

Этап 1. Выбор признаков. Здесь меня упрекают в том, что я не учел отношение высоты венчика к общей высоте верхней части сосуда. Выбранное мною соотношение $D2:H2$ (т.е. диаметра шейки к высоте сосуда от венчика до максимального расширения тулова) может быть одинаковым у заведомо разных форм. В качестве примера приводятся два рисунка (Абезгауз, Еременко, Журавлев, Каргопольцев 1992: рис. 1 №1,2).

Пример не корректен. На рисунке 1D первого гипотетического сосуда больше, чем у второго. При одинаковой $H2$ соотношения $D2:H2$ у обоих горшков будут разными. Следовательно, "пойманная ошибка" - не ошибка, тем более, что замер $H1$ исключен из признаков и в классификации моих оппонентов (Абезгауз, Еременко, Журавлев, Каргопольцев 1992: 43).

Этап 2. Выделение групп. 1) "Если следовать принципу А.М. Обломского, расстояние между группами следует сравнить с расстоянием между точками в каждой соседней группе, а не в одной из них." (Абезгауз, Еременко, Журавлев, Каргопольцев 1992: 40) Интервал между крайними точками групп 2 и 3 на графике $D1:H2$ - 0,3, тогда как максимальное расстояние между точками группы 3 - 0,43.

Здесь, действительно, имеется некоторая непоследовательность, но столь ли уж сильно влияет она на результат? Интервал в 0,43 отделяет от остального массива группы III значения лишь двух последних точек (Обломский 1985: рис. 6). Строго следуя выбранному мною критерию, эти две точки (9,68 и 9,69) нужно было выделить особо. Но если в этом смысл? Ведь речь идет всего о двух значениях... Условно они отнесены к третьей группе, т.к. их расстояние до четвертой очень далеко: 0,84.

2) "Группы пропорций нижних частей сосудов слишком велики. Здесь вряд ли можно говорить о едином стандарте" (Абезгауз, Еременко, Журавлев, Каргопольцев 1992: 40).

Точки значений нижних частей мисок "ложатся" на графики ранжира очень плотно (Обломский 1985: рис.6, соотношения $D3:H1$ и $D4:H1$). "Разброс" их значений сопоставим с пределами какой-либо одной

группы пропорций верхних половин сосудов (но только одной группы, а не всех: Обломский 1985: табл.4, 99). Если согласиться с тем, что каждая группа на графиках $D1:H2$; $D2:H2$; $D3:H2$ мисок соответствует одному стандарту, то все значения их соотношений $D3:H1$ и $D4:H1$ также, "вписываются" в один стандарт. Принцип последовательности в выделении групп здесь соблюден. То же самое касается горшков.

Этап 3. "Типы выделяются по одному отношению ($D1:H2$), которое ни в коей мере не отражает общих закономерностей пропорций сосудов" (Абезгауз, Еременко, Журавлев, Каргопольцев 1992: 41). Последнее утверждение оставляю на совести авторов. По моему мнению, как раз "отражает". То, что касается начала фазы, то в логике этот принцип называется "подменой тезиса", т.е. утверждение, которое авторы считают у меня аксиоматичным, но на самом деле доказывается на стр.100 и 101.

Пропорции верхних частей сосудов описываются тремя группами соотношений, которые составляют 12 комбинаций для мисок и 8 - для горшков. В принципе, на этом можно было бы и остановиться. При сравнении по пропорциям целых форм из могильника и фрагментированных с поселений используются именно эти комбинации. Для того, чтобы показать, насколько формы вытянуты по горизонтали, применяются графики зависимости $D1$ от $H2$ (Обломский 1985: рис.8). Они нужны для того, чтобы определить, какое из трех соотношений, в этом смысле, является наиболее существенным, ведущим. Значения группируются в зависимости от первого пропорционального соотношения, следовательно, оно и должно быть принято в качестве типобразующего. "Труднообъяснимые кривые" на графиках имеют чисто иллюстративное значение, не более.

В чем же заключается "возрастание ошибки" на каждом этапе моей классификации? Мне кажется, что на всех уровнях последовательность в рамках начальных принципов соблюдалась. По крайней мере, обратного доказать не удалось...

В противовес моему методу, оппоненты предложили свою типологию керамики, основанном на кластерном анализе. Ничего

не имея против математического подхода, я все же осмелюсь заметить, что эта система классификации страдает двумя существенными недостатками. Во-первых, в списке признаков существует общая высота сосудов (Н4) (Абезгауз, Еременко, Журавлев, Каргопольцев 1992: 42,43, рис.1 №3), т.е. типология "работает" лишь для целых форм. Следовательно, она не пригодна для сопоставления материалов могильника с поселениями, т.е. для комплексного анализа керамического набора культуры. Н4 - как раз именно то измерение, которое очень трудно определить у фрагментированных сосудов.

Во-вторых, при выборе элементов для дальнейших построений учитываются только метрические признаки, все качественные из списка исключены. Это привело к тому, что при корреляции керамики с фибулами практически не принимается во внимание такая важная характеристика сосуда, как его форма (набор прямых, кривых и ломанных линий, составляющих контур профиля). В результате, в одни и те же группы могут попасть как миски с острыми ребрами, так и округлобокие. К последним, например, в кластере 19 относится сосуд из погребения 104, в 23-м - 211 и 218 и т.д. Этот досадный просчет ставит под сомнение всю систему периодизации Чаплина В.Е. Еременко - В.Г. Журавлева, поскольку миски разной формы коррелируются с фибулами разных типов, группируются на разных участках могильника (Обломский 1990: 11,12), т.е. явно имеют различную продолжительность употребления. На поселениях верхнеднепровского варианта прослеживается та же закономерность: они довольно сильно отличаются друг от друга по процентному соотношению форм мисок. (Обломский 1983: 14).

Классификация фибул

Большая часть замечаний моих оппонентов направлена против системы классификации фибул с треугольными щитками на ножках. Для разграничения вариантов мною были предложены 2 пропорциональных отношения: ширины щитка к его длине и высоте щитка к длине ножки. На общем графике (Обломский 1986: рис.1) выделились две группы точек. Правая соответствует первому варианту фибул. Левая была поделена на три части: "области" II, III и IV вариантов. Фибулы, значения пропорций которых

оказались близко от границ этих областей, считаются типологически переходными от одного варианта к другому. Все экземпляры V варианта попали в точку 0, поскольку у них не было участка ножки, "свободного" от щитка.

По пропорциям все фибулы Чаплинского могильника распределились между I и II вариантами, и лишь две из них относятся к переходной группе от варианта II к III (Обломский 1986: табл. 1). Фибулы из погребений могильника, которые по причине плохой сохранности измерить не удалось, так же, очевидно, типологически ранние, поскольку соотношение длины щитка и ножки у них, приблизительно, равно единице (или больше), что соответствует, максимум, второму варианту.

Возражения у моих оппонентов вызвал критерий разграничения областей вариантов II, III и IV на графике. "С поправками, сделанными А.М. Обломским (к схеме А.К. Амброза - А.О.), вряд ли можно согласиться ввиду сомнительного способа разграничения групп значений признаков... Границы на графиках такого рода могут проводиться только одним математически оправданным способом - в виде прямых, выходящих из начала координат, делящих координатное поле на ряд секторов, причем прямые проводятся в местах наибольшего разрежения признаков. Поэтому границы между группами значений признаков, приведенные А.М. Обломским, неверны с точки зрения формальных математических методов" (Еременко, Журавлев 1992: 60).

"С чего ты взял, критик, что я пишу сатиры?!" (Козьма Прутков). Я ведь не собирался вводить математические критерии и не делал этого. Принцип разграничения областей на графике подсказан самим материалом: он не математический, а археологический. Прямыми линиями были соединены точки, соответствующие пропорциям "парных фибул", т.е. тех, которые в погребениях встречались по две, имели близкие размеры, профилировку и оформление щитка. Эти украшения самими мастерами явно воспринимались, как одинаковые. Пределы вариантов на графике показывают "границы однотипности". Они проведены на основе тяготения к определенным участкам точек, соответствующих разбросу значений

парных фибул. Мне кажется, что не стоит отказываться от уникальной возможности выделения групп предметов в том виде, как они воспринимались в древности. Вряд ли использование отвлеченного математического критерия даст в этом случае лучшие результаты.

Применяемая мною классификация проволочных и узкопластинчатых фибул, которая представляет собой модифицированную систему Ю.В. Кухаренко, особых нареканий не вызывает. Скорее всего, это происходит потому, что в опубликованном в 1983 г. виде она максимально приближена к типологии Ю. Костшевского (Обломский 1983: 106, 107), которой, в основном, и пользуются мои оппоненты. В работе В.Е. Еременко и В.Г. Журавлева предложена новая классификация фибул позднелатенской схемы. Мне она представляется не слишком удачной.

Авторы выделяют 3 варианта фибул: с прямой ножкой, с сильным и слабым ее прогибом (Еременко, Журавлев 1992: 59). Критерий, разграничивающий последние два из них, четко не определен: не ясно, какого рода изгиб считать слабым, а какой сильным. Если в качестве эталона для сильнопрогнутых принять профиль большинства европейских фибул типов М, N, O, у которых ножка расположена почти вертикально, то к ним близки всего 2 экземпляра из Чаплина: "рамчатые" из погр. 21 (Кухаренко 1959: табл. VI №5) и 115 (Поболь 1973: рис.38 №7). Все остальные прогнутые фибулы позднелатенской схемы должны относиться к группе слабопрофилированных. Выделение в особые варианты фибул, как с небольшим, так и с сильным прогибом имело бы смысл для памятников Полесья и Среднего Поднепровья, но не для Чаплина. В этой связи, вряд ли справедливо утверждение, что в Чаплине слабопрофилированные фибулы существуют дольше, чем сильнопрогнутые (первые относятся к 4-5 фазам женских погребений, а вторые - только к четвертой: Еременко, Журавлев 1992: 69). Асинхронность их установить достаточно трудно, поскольку количество экземпляров украшений двух видов профилировки не соразмерно.

В целом, на территории зарубинецкой культуры фибулы с сильным и незначительным прогибом ножки должны быть синхронны, по крайней мере, в отрезке време-

ни, близком к ее финалу. Об этом свидетельствует набор украшений позднзарубинецких памятников, которые появились в процессе распада зарубинецкой археологической общности. На почепских поселениях, например, известны фибулы обоих вариантов профилировки (Обломский, Терпиловский 1991: рис.13). Изделия "почепского варианта первого вида" по А.К. Амброзу (Амброз 1964: 24), т.е. максимально поздние дериваты воинских одночленных, как правило, имеют очень сильный прогиб ножки.

Вряд ли правомерно сопоставление фибулы из погр. 229 (в тексте - опечатка: написано "239", в котором фибул нет) с раннеримским А.68 (Еременко, Журавлев 1992: 71). Она - проволочная, как и большинство воинских, рельефного расширения под пружиной (необходимый признак А.68) не имеет. Единственное, что сближает ее с раннеримскими образцами - это наличие слабо выступающих валиков на спинке и отверстий в сплошном приемнике (Поболь, 1973, рис.63 №2). Валикообразные украшения на спинках фибул - явление, чрезвычайно широко распространенное в Чаплине: Этот элемент орнамента встречается, как на экземплярах среднелатенской (Кухаренко 1959: табл. IV №16), так и позднелатенской (с различным оформлением приемника) схемы (Кухаренко 1959: табл. IV №2; VIII №4; Поболь 1973: рис.46 №20; 47 №12; 49 №14; 58 №23; 69 №7). Наличие круглых отверстий на сплошном приемнике послужило А.К. Амброзу основанием для выделения особого "почепского" варианта воинских фибул. Изделия из погребений 192 и 229 Чаплина относятся ко второму виду почепских и представляют собой переходное звено эволюции обычных воинских в сторону почепских с перекрученной спинкой. В первом из этих погребений, кроме экземпляра с дырочками на приемнике, обнаружено украшение варианта O по Ю.В. Кухаренко, а во втором - варианта II (Поболь 1973: рис.56 №4; 63 №3), т.е. ранние почепские фибулы в Чаплине должны датироваться так же, как и прочие воинские.

Вряд ли кто-либо станет возражать против утверждения, что процесс работы над классификацией фибул зарубинецкой культуры, в целом, пока не завершен. В отношении проволочных и узкопластинчатых ук-

рашений достаточно плодотворным мне представляется направление исследований К.В. Каспаровой, которая провела типологическое сравнение центральноевропейских фибул с зарубинецкими (в основном на полесском материале), и выделила в наборе последних целый ряд новых вариантов (близких к типу Мечвиль, J Костшевского, наухеймским и др.), дающих дополнительные основания для синхронизации систем относительной хронологии. К сожалению, опубликован пока только итог этого исследования (Каспарова, 1984). Система классификации в полном виде, а так же общая периодизация материалов Полесья до сих пор не издана. Надеюсь, что редакция журнала "Петербургский археологический вестник", о начале издания которого объявлено в сборнике "Проблемы хронологии эпохи латена и римского времени", найдет возможность опубликовать основные положения диссертации К.В. Каспаровой, хотя бы в виде цикла статей.

Хронология фибул и периодизация Чаплинского могильника

По мнению моих оппонентов, наши разногласия по вопросу о хронологии фибул имеют принципиальный характер. "Главной причиной, побуждающей нас вновь обратиться к исследованию хронологии могильника Чаплин, являются именно принципиальные расхождения с А.М. Обломским в вопросе о применимости к материалам зарубинецкой культуры европейской хронологической системы латена: нам представляется, что если нет комплексов, свидетельствующих о запаздывании тех или иных общеевропейских типов вещей на территории Поднепровья по сравнению с другими латенизированными культурами, нет оснований для более поздней и более широкой датировки этих вещей" (Еременко, Журавлев 1992: 56). Позиция выражена достаточно четко. В этом случае, как мне кажется, следовало бы показать, что набор зарубинецких фибул адекватен (или по крайней мере, очень близок) комплексу украшений этой категории какой-либо определенной территории латена или одной из латенизированных культур. Кроме того, необходимо было бы продемонстрировать, что сочетание фибул разных типов в зарубинецких погребениях аналогично взаимной встречаемости их в комп-

лексах какого-либо соседнего региона. Только таким образом, по моему мнению, можно выбрать шкалу узких датировок, учитывая, что они довольно сильно варьируют в разных областях, как самой культуры латена, так и охваченных латенским влиянием. Заранее оговорюсь, что сам я придерживаюсь другой точки зрения. Мне кажется, что и набор зарубинецких фибул, и сочетание их в комплексах достаточно своеобразно, для того, чтобы латенские даты можно было переносить на "приднепровскую почву" не непосредственно. К.В. Каспарова, так же, указывает не только на сходство зарубинецких фибул с латенскими, но и на различия между ними (Каспарова 1984: 108, 109, 112, 115, 116; Каспарова 1991: 22). О том, что некоторые фибулы (расчлененные, типа В Костшевского) существуют на территории зарубинецкой культуры дольше, чем в областях, откуда происходят их прототипы, пишет и С.П. Пачкова (Пачкова 1991: 67, 68).

Результаты исследования, которые необходимо было бы провести для подтверждения правильности методического подхода к определению хронологии фибул, в работах моих оппонентов отсутствуют. Напротив, встречаются замечания, первоначальной позиции противоречащие. Так, например, указывается, что фибулы "В Костшевский" имели на зарубинецкой территории более длительный период употребления, чем в латене (Абезгауз, Еременко, Журавлев, Каргопольцев 1992: 49; Еременко, Журавлев 1992: 65-66), упоминается о том, что в погр. 246 Чаплина фибула G/H встречена вместе с более поздней прогнутой рамчатой позднелатенской схемой (Еременко, Журавлев 1992: 69), говорится об отсутствии в Чаплине фибул C, J, K, D и др. Иначе говоря, и чаплинский набор фибул своеобразен, и некоторые их типы имеют более длительный период существования. В чем же заключается принципиальность возражений моих оппонентов? Речь, ведь, фактически, идет об изменении датировок отдельных групп вещей. Исследования подобного рода достаточно обычны для хронологии латенизированных культур. Процесс пересмотра относительных и абсолютных дат здесь идет постоянно.

Поскольку в полном виде моя система относительной хронологии Чаплина опубли-

ликованна лишь недавно (Обломский 1991), а построена, приблизительно, за 9 лет до этого, то я попытаюсь внести в нее некоторые коррективы.

Сомнения В.Е. Еременко и В.Г. Журавлева в правильности определения в моих работах начальной даты фибул типа "В Костшевский" (у меня - Г2) полностью принимаю. В пшеворской культуре теперь они синхронизируются с набором предметов ее начальной фазы (Dabrowska 1988: 27, 28; Пачкова, 1991: 69,70). Период их возможного бытования в Чаплине, соответственно, расширяется: они должны существовать в пределах первой и второй фаз могильника, а не только в конце первой и во второй. К.В. Каспарова уточнила (по пшеворским и оксывским аналогиям) время вероятного появления на зарубинецкой территории фибул позднелатенской схемы со сплошным приемником и прямой ножкой (варианта О по Ю.В. Кухаренко). Они начинают употребляться одновременно с рамчатыми без прогиба, а не позже, как я предполагал (Каспарова 1984: 116). "Распределение" фибул по периодам относительной хронологии Чаплина выглядит, приблизительно, так: к I-ой фазе относятся часть фибул Г2 и все украшения с треугольными щитками I и II вариантов, к концу фазы (возможно) - экземпляры, переходные от II-го к III-му. Во второй фазе употребляются фибулы Г2, Л и Д, в конце этого периода появляются изделия вариантов М и О. Третья фаза характеризуется фибулами Н, П/Р, С и Ф, "почепскими второго вида", в течение ее продолжают существовать рамчатые М и близкие им по профилировке О со сплошным приемником. Погребение 246, где фибула Д найдена вместе с Н, относится к рубежу второй и третьей фаз.

Относительная хронология форм сосудов приводится в таблице. Она составлена на основании данных, изложенных в моей статье 1991 г. В какой-то степени изменились позиции лишь трех форм. Миска варианта "а" встречена в погр. 72 с треугольной фибулой (фаза I). Захоронения с этими сосудами, в основном, находятся в центральной части могильника и "вписываются" в ареал погребений с фибулами, имеющими треугольные щитки, либо расположены около его границ (погр. 216: Обломский 1991:

рис.5). Наиболее вероятно, следовательно, что миски "а" датируются только первой фазой, а не первой - второй, как предполагалось ранее.

Миски варианта "к" встречены вместе с фибулами Г2 и О, т.е. по корреляции могут относиться, как к I - II, так и ко II - III фазам. Погребения с этими сосудами, в основном, находятся на ранних участках могильника: в "зонах" фибул с треугольными щитками и Г2 (Обломский 1991: рис.6). Учитывая, что фибулы О не является индикатором III-й фазы, а, видимо, появились в конце второй, миски варианта "к", вероятнее всего, относятся к I - II фазам могильника.

Дату мисок варианта "т" можно расширить на первую фазу, по крайней мере, на ее конец. Поскольку хронологическое положение фибул Г2 изменилось, то погр. 34, которое находится в центре могильника на границе ареалов фибул Г2 и треугольных, оказывается в ранней его части - очень далеко от областей распространения захоронений с фибулами третьей фазы.

Этапы относительной хронологии Чаплинского могильника, в основном, соответствуют (хотя и не полностью) периодизации зарубинецких древностей Полесья, предложенной К.В. Каспаровой. Причина неполного совпадения периодов относительной хронологии заключается в различиях наборов фибул двух регионов. Первая фаза Чаплина может быть синхронизированна по треугольным фибулам I варианта с фазой I Полесья и с начальным этапом фазы 2, когда в бассейне Припяти употребляются фибулы варианта II того же типа (Каспарова 1984: рис.5). Фаза 2 Чаплина соответствует позднему периоду фазы 2 Полесья, а также фазе 3, в течение которой по К.В. Каспаровой существуют фибулы позднелатенской схемы с рамчатым или сплошным приемником и прямой или едва прогнутой ножкой (вариантов М и О по Ю.В. Кухаренко). Фаза 4 Полесья и фаза 3 Чаплина синхронизируются по фибулам М и N Костшевского.

Абсолютные даты как типов и вариантов фибул, так и целых периодов хронологии, которые были приняты в моей диссертации, нужно менять, поскольку к настоящему времени шкала датировок этапов развития латенизированных культур, разрабо-

танная Р. Хахманном, даже с поправками А. Невенгловского, безнадежно устарела. Здесь я полностью согласен с моими оппонентами. Вместе с тем, я хочу заметить, что любые предложенные сейчас абсолютные даты классического зарубинецкого периода (начальные, конечные, а также "внутренние") не будут окончательными. Об этом свидетельствует дискуссия об уточнении зарубинецкой хронологии, которая ведется в отечественной литературе в последнее время (Каспарова 1984: 112-116; Каспарова 1991: 22-23; Еременко 1990: 12-15; Пачкова 1991: 67-69 и др.). Даты, предлагаемые исследователями, как правило, отличаются друг от друга, причем степень точности в их определении всецело зависит от характера избранных хронологических реперов в той или иной области латенского мира. И этим нынешние уточнения, и более ранние передатировки, связанные с использованием системы Я. Филипа, а затем с отказом от нее, по-моему достаточно убедительно свидетельствуют о ненадежности абсолютных дат зарубинецких фибул вообще, поскольку любая, построенная на их основе шкала, получается "плавающей". Это и не удивительно, если учесть, что ритмы развития не только самого латена, но и латенизированных культур, совпадают с зарубинецкими лишь отчасти. Мне кажется, что будущее - не за дальнейшим изменением датировок, основанном на изучении одних только фибул (этой работой можно заниматься до бесконечности и при этом делать "интересные" исторические выводы на каждом этапе исследования), а за попыткой "привязать" периоды зарубинецкой относительной хронологии к какой-либо внешней, но не латенской шкале. В этом отношении представляются очень перспективными исследования материалов Среднего Поднепровья - единственного региона зарубинецкой культуры, где в массовом количестве встречается античный импорт. Поскольку он концентрируется, в основном, на поселениях, то и характер этой работы должен быть не совсем обычным. Стадии, выделенные на могильниках, придется через керамику связывать с конкретными слоями, строительными периодами и комплексами городищ и селищ, а затем уже по ним датировать этапы относительной хронологии. Несмотря на явную сложность,

эти исследования очень важны, в чем нетрудно убедиться, если вспомнить, что единственным надежным основанием для определения начальной даты зарубинецкой культуры являются амфорные клейма с Пилипенковой горы, а время финала этой археологической общности можно уточнить только путем наблюдений за изменением характера поступления амфорного материала и анализа хронологической позиции некоторых категорий античных прототипов зарубинецких мисок (Обломский 1987: 80-83).

Хронологию Чаплина, учитывая меру условности, можно сопоставить с системой дат, предложенной недавно для пшеворской культуры Т. Домбровской (Dabrowska 1988: 57-62). По началу массового употребления фибул типа В Ю. Костшевского первая фаза Чаплина должна синхронизироваться с фазой А1 пшеворской культуры (первая половина II в. до н.э.). Фибулы фазы А2 в Чаплине, практически, отсутствуют (если не считать двух экземпляров G/H, одна из которых, при этом, происходит из заведомо позднего комплекса: погр.246). В период, соответствующий этой стадии по Т. Домбровской, в Чаплине, очевидно, продолжается традиция использования украшений с треугольными щитками и фабул типа В.

Таким образом, ответить на вопрос, когда именно начинается вторая фаза Чаплина, практически, невозможно. Фаза А3 синхронна третьей фазе Чаплина по фибулам М и N Ю. Костшевского и их верхнеднепровским дериватам. У Т. Домбровской эта фаза датируется второй половиной I в. до н.э. - 10-ми - 20-ми гг. н.э. Отмечу, что для Среднего Поднепровья, где верхний рубеж зарубинецкой культуры поддается проверке по античным материалам, он наступает значительно позже: около середины - 3-й чет-ти I в.н.э. (Обломский 1987: 83). Не исключено, что и древности круга Чаплина прекращают свое существование в это же время, т.к. на поздних зарубинецких памятниках Среднего Поднепровья встречены те же типы воинских фибул, что и в Чаплине; имеется даже одна подвязная верхнеднепровской серии (Обломский 1987: рис.1, 70-77). Поскольку "внешних оснований" для уточнений датировок Чаплина нет, то, теоретически, этот могильник мог начать функционировать в любой период синхронно фазе А1 ПШК и прекратить свое существование в любой отрезок стадии А3 ПШК или даже позже.

Таблица относительной хронологии керамики Чаплинского могильника

Категории и варианты сосудов	Фибулы, с которыми они коррелируются	Фазы могильника (с уточнениями по планиграфии)
<u>Миски</u>		
а	Треугольные I - II	I
б	—	I - II
в	—	II - III /?/
г	Треугольные I Г2	I - II
д	Треугольные I, I-II, Г2, М	I - II
е	Треугольные I - II, Г2	I - II
ж	—	?
з	—	?
и	О, Н, С.	II - III
к	Г2, О.	I - II
л	—	I - II
м	Треугольные I, I-II, Г2, М, П/Р, С.	I - III
н	Треугольные II, Д, П/Р	I - III
о	Н	II - III
п	Треугольные I - II	I - ?
р	П/Р, Ф.	III
с	О, П/Р	III
т	Г2, П/Р	кон. I - III
у	—	?
ф	Л, М, О, П/Р	кон. I - III
х	Г2, М, П/Р, С, Ф.	II - III
<u>Горшки</u>		
а	О, П/Р, С	III
б	—	?
в	М, Л, П/Р, О.	I /?/ - III
г	Треугольные II/III, М, Н, П/Р	I - III
д	Н	II - III
е	Г2, О, Н	II - III

Список литературы

- Абезгауз Г.Г. Еременко В.Е. Журавлев В.Г. Каргопольцев С.Ю. 1992. К вопросу о ранней дате могильников зарубинецкой культуры // Проблема хронологии латена и римского времени. С-Пб.
- Амброс А.К. 1966. Фибулы Юга европейской части СССР II в. до н.э. - IV // САИ, вып. Д1-30. М.
- Еременко В.Е. 1990. Процесс латенизации археологи-

- ческих общностей позднего предримского времени Восточной Европы и сложение зарубинецкой культуры. Автореф. дисс. ... канд. истор. наук. Л.
- Еременко В.Е. Журавлев В.Г. 1992. Хронология могильника Чаплин верхнеднепровского варианта зарубинецкой культуры // Проблемы хронологии латена и римского времени. С-Пб.

- Каспрова К.В. 1984. Зарубинецкая культура в хронологической системе культур эпохи латена // АСГЭ, 1984 №25.
- Каспарова К.В. 1991. Некоторые спорные вопросы в изучении зарубинецкой культуры // Археологические культуры Евразии и проблемы их интеграции. С-Пб.
- Кухаренко Ю.В. 1959. Чаплинский могильник // МИА, №70.
- Обломский А.М. 1983. О хронологии некоторых типов фибул зарубинецкой культуры // СА, №1.
- Обломский А.М. 1983а. Верхнеднепровский вариант зарубинецкой культуры. Автореф. дисс. ... канд. истор. наук. М.
- Обломский А.М. 1985. Классификация керамики верхнеднепровского варианта зарубинецкой культуры (по материалам Чаплинского могильника) // СА №1.
- Обломский А.М. 1986. Опыт классификации и хронологии фибул с треугольным шитком на ножке (т.н. зарубинецких) // КСИА, №186.
- Обломский А.М. О финале среднеднепровского варианта зарубинецкой культуры // СА, 1987. №3.
- Обломский А.М. 1990. Периодизация и характер развития керамического комплекса Чаплинского могильника // Раннеславянский мир. Материалы и исследования. М.
- Обломский А.М. Терпиловский Р.В. 1991. Среднее Поднепровье и Днепровское Левобережье в первые вв. н.э. М.
- Пачкова С.П. Методика хронологізації кераміки зарубинецької культури // Археологія, 1991. №1.
- Поболь Л.Д. 1973. Славянские древности Белоруссии, т. II Минск.
- Dąbrowska T. 1988. Wczesne fazy kultury prązeworskiej. Chronologia - azasieg - powiązania. Warszawa.